

ГРАКХИ*

Тиберий Семпроний
(162 — 133 до н. э.)

Гай Семпроний
(153 — 121 до н. э.)

Древнеримские государственные
деятели

Отец братьев Гракхов Тиберий Семпроний Гракх, бывший дважды консулом (в 177 и 163 гг. до н. э.) и однажды цензором (169 г. до н. э.), оставил им благородное имя, прославленное победами в Испании. В Риме он стал известен благородством своих отношений к Сципиону Старшему. Сципион, возвратившись из азиатского похода против Антиоха III, был обвинен в утайке части добычи. Не желая или не будучи в состоянии дать отчет, Сципион не явился на форум и удалился в недалекий от Рима приморский городок Линтернум. Добровольное изгнание из отечества, где он так долго занимал в качестве «первоприсутствующего в сенате» первое место, было самым жестоким наказанием для провинившегося гражданина Рима. Тогда-то и вмешался в дело Т. Семпроний Гракх и в качестве члена коллегии трибунов воспользовался своим правом veto, заявив, что недостойно Рима преследовать своего величайшего гражданина. Он сразу стал заметной величиной во внутренней

жизни Рима, отчасти благодаря этому поступку, а отчасти и вследствие сближения со Сципионами и их партией, результатом которого был его брак с Корнелией, дочерью великого Сципиона. Корнелия родила мужу 12 детей, из которых 9 умерли в раннем возрасте. После смерти мужа (значительно превышавшего ее летам) с ней остались два сына – Тиберий, родившийся в 162 году до н. э., и Гай, родившийся в 153 году до н. э., а также дочь Семпрония. Корнелия была типом римской матроны. Она настолько сознавала себя дочерью Сципиона Старшего и женой одного из первых граждан республики, что после смерти мужа отклонила предложение сделаться женой царя Египта. Она предпочла быть женой и матерью граждан Рима, чем женой и матерью его вассалов, хотя бы и коронованных.

Воспитание сделало Тиберия восприимчивым к окружающему. Уже в очень молодые годы он сумел составить себе имя своим поведением в третьей Пунической войне. Эта вой-

*На портрете изображен Гай Семпроний.

на была первым крупным государственным делом, в котором пришлось участвовать молодому аристократу. Рим требовал разрушения Карфагена как слишком опасного соперника ослабевшей от экономических и нравственных недугов Италии.

В 149 году война началась. Три года римляне безуспешно осаждали огромный город. Наконец народ, несмотря на сопротивление сената, избрал консулом и главнокомандующим Сципиона Эмилиана, и тот решил взять приступом Мегару, предместье Карфагена. Ночью две колонны двинулись к городу. Толпа молодых храбрецов влезла на стоявшую особняком башню и очистила ее от защитников. Соединив затем башню досками с городской стеной, они бросились на стену – и первым вступил на нее Тиберий, остальные последовали за ним, открыли ворота и впустили консула с его отрядом.

С этой ночи Тиберий сделался любимцем лагеря. И в Риме народ, как только Гракх выставил свою кандидатуру, выбрал его в квесторы (137 г.). В этом звании он отправился в Испанию, где римляне чуть ли не с самого завоевания провинции были принуждены вести войну с народным восстанием. Проезжая во время этого путешествия через Этрурию, он заметил, что все землевладельцы и пастухи – варвары-рабы; тут он впервые твердо решил посвятить всю свою жизнь устранению зол, подкапывавших под самые основы Римского государства.

События 135 и 143 годов могли только усилить в нем решимость к такого рода деятельности. К этому времени приняло угрожающие размеры первое сицилийское восстание рабов. Сицилия в то время представляла собой тип страны, находящейся в руках крупных землевладельцев. Огромные поместья обрабатывались здесь не свободными землевладельцами, а стадами рабов.

Вся страна была переполнена рабами, и

притом восточного, преимущественно сирийского происхождения. Рабы стали чувствовать свою силу, и среди них возникла мысль о восстании и мести. Повод нашелся: 400 рабов одного из богачей города Энны, Дамофила, находившего какое-то особенное удовольствие в истязаниях, которым он подвергал своих несчастных подчиненных, сговорились отомстить своему господину.

Произошло страшное кровопролитие, в котором погиб Дамофил. Быстро распространившееся известие о восстании привлекло массу рабов к этому центру движения. Несколько отрядов, посланных против мятежников, были разбиты, число рабов все увеличивалось. Спустя какой-нибудь месяц после Эннской резни к восставшим присоединилась новая толпа из 8 тысяч человек. Теперь восстание стало распространяться и на города: Мессана и Тавромений присоединились к нему, и число восставших дошло до 200 тысяч.

Сенат понял, что необходимы решительные меры. В Сицилию послали консула Л. Кальпурния Пизона. Взятием Мессаны, во время которого погибло около 8 тысяч рабов, новому консулу удалось поколебать их самоуверенность и восстановить страх перед римским оружием. Тем не менее война продолжалась еще до 132 года, и рабы отчаянно защищались, сконцентрировавшись около Энны и Тавромения, пока наконец консул Публий Рупилий не взял этих городов и казнь 20 тысяч мятежников не восстановил порядок.

Рим несколько успокоился, когда пришли первые известия о победах в Сицилии, но убеждение в необходимости реформ не могло не усилиться. Раньше не было человека, который решился бы воплотить его. Теперь такой человек появился: трибун 133 года Тиберий Семпроний Гракх.

В чем должна была заключаться реформа? Можно было расширить и укрепить государственный фундамент, привлекая италий-

ских союзников в его состав и даруя им право гражданства; можно, хотя и не без большой опасности, создать вместо земледельческого третьего сословия торгово-промышленное, упразднив ограничение политических прав вольноотпущенников; можно было, наконец, попытаться задержать процесс поглощения мелкой земельной собственности крупной и восстановить огромными земельными ассигнациями и основанием новых колоний могущественное некогда римское крестьянство. Все три возможности были испытаны римской демократической партией. Героем первого периода этого движения был Тиберий.

Тотчас по вступлении в должность Тиберий сообщил свой проект народу. Закон был составлен толково и не слишком резко поражал интересы тех лиц, которые заняли часть государственных земель. Закон Тиберия запрещал занимать более 500 югеров государственной земли, владеющие большими землями обязывались возвратить их за известное вознаграждение государству. Определение размеров поместий, их оценка и установление вознаграждения возлагались на ежегодно выбираемую комиссию из трех лиц, которой вместе с тем поручался и раздел отобранной в казну земли между бедными гражданами. Несмотря на сравнительно мягкий характер закона, негодование аристократии было велико.

Как? Потребовать выдачи земель, отчасти унаследованных от предков и содержащих их священные могилы, а отчасти и купленных в уверенности, что государство не решится потрясти основу экономической жизни своих членов? Но, тем не менее, реформа была необходима, чтобы восстановить римское крестьянство, и перед этой необходимостью должны были отступить на задний план посторонние соображения и интересы.

Закон Тиберия был принят, а триумвирами для разделения полей избраны сам автор

закона, его тесть Аппий Клавдий и брат Гай, находившийся в войске Сципиона под Нуманцией.

Скоро, однако, стала выясняться вся огромная сложность их дела. Приходилось решать, принадлежит ли тот или другой участок к государственной собственности или нет, определять его границы, подвергать все сомнительные пространства точному размежеванию и т. д. Все основы экономической жизни были потрясены: раздор вносился в каждый город, в каждую римскую и союзную общину.

Возник, между прочим, чрезвычайно важный вопрос, откуда взять средства, чтобы помочь новым поселенцам обзавестись необходимым скотом, орудиями и т. д.? Из этих затруднений Тиберий был освобожден случайностью. Умер царь Пергама, Аттал III, последний представитель своего рода, назначивший своим наследником римский народ. Посланник Пергама Эвдем прибыл в Рим с завещанием царя и передал его сенату. Тиберий предложил воспользоваться с указанной целью царской казной, а распоряжение об устройстве наследованных в Азии земель предоставить наследнику-народу, а не сенату. Он стал готовить ряд новых законопроектов, слух о которых не мог не проникнуть в народ, убеждая его в заботливости трибуна о народных нуждах. Цель этих законов была двояка: облегчить положение народа и ослабить могущество сената.

Особенно важен был план лишить сенаторов судебной монополии (осуществленный потом Гаем, братом Тиберия). Наряду с этим предполагалось расширить право апелляции от обыкновенных судов к народному и ограничить число лет, в продолжение которых граждане были обязаны отбывать воинскую повинность. Но раньше, чем какой-либо из этих законов был внесен в народное собрание, приблизился срок новых выборов, и враги Ти-

берия все более резко высказывали намерение привлечь его к судебной ответственности. Положение Гракха действительно было опасным. Вторичное избрание на магистратуру было незаконно: положим, закон в этом отношении неоднократно был оставлен без внимания, относительно консулов бывало даже, что он формально упразднялся, как, например, во время Ганнибаловой войны; но, во всяком случае, враги трибуна могли указать на то, что здесь его деятельность носит революционный характер. Выборы в трибуны происходили летом, в самый разгар полевых работ, а это значило, что главная опора Тиберия, та часть народа, которая прежде всего была заинтересована в его успехах, – мелкие собственники, крестьяне и батраки – не могли присутствовать в Риме в то время, когда решалась судьба их покровителя и защитника.

Наконец день выборов настал. Уже две трибуны подали голос за вторичное избрание Тиберия, когда враги вмешались, заявляя, что избрание Тиберия незаконно. Избранный по жребию в председатели и руководители избирательного собрания трибун Рубрий высказал сомнение, можно ли продолжать выборы. Большинство трибунов, не стоявшее на стороне Тиберия, решило, что необходимо отложить выборы до следующего дня. Тиберию пришлось покориться. Видя всю опасность положения и сознавая, что от решения вопроса – допустимо, ли вторичное избрание – зависит и судьба его закона, и его собственная судьба, он принял надлежащие меры и готовился в крайнем случае применить силу. Прежде всего, чтобы возбудить сочувствие народа, он надел траурные одежды и явился на форум, умоляя народ о защите и говоря, что очень боится, как бы враги не напали ночью на его дом и не убили его. Впечатление, произведенное его речью, было самое выгодное: народ массами пошел за ним, окружил его дом и всю ночь сторожил трибуна. На другое утро Тиберий и

его друзья заняли свободную площадь перед храмом Юпитера на Капитолии. Народ высказался за Тиберия, а враждебные ему трибуны протестовали, настаивая на незаконности его вторичного избрания. Началось волнение, враги трибуна стали теснить его сторонников, пока, наконец, последние не бросились вперед по данному знаку и не очистили место около Тиберия. Беспорядок возрастал, а с ним увеличивалось и волнение, как на площади, так и в сенате, собравшемся под председательством консула П. Муция недалеко от храма Юпитера.

Сторонник Тиберия Фульвий Флакк заявил, что собранные в сенате аристократы, не будучи в состоянии побудить консула к энергичным мерам, решили сами устранить Тиберия и для этого имеют при себе массу вооруженных клиентов и рабов. Тиберий передал известие своим сторонникам, которые тотчас вооружились обломками копий, которыми служители сохраняли порядок в народных собраниях. Враги же бросились в сенат. Заседание сената, и без того очень бурное, приняло еще более беспорядочный характер. Сенаторы – а во главе их П. Корнелий Сципион Назика – требовали, чтобы консул заступился за республику и прогнал тирана. Но тайный друг реформы Сцевола заявил, что он со своей стороны не начнет незаконных действий. Если же народ, поддаваясь убеждениям, сделает незаконное постановление, он, консул, никогда не утвердит его. Такое спокойствие консула вывело Назика из себя. Он вскочил и воскликнул: «Пусть последует за мной, кто еще хочет поддержать законы!» И он бросился к Капитолию. Сенаторы обернули тоги около левой руки и проложили себе дорогу к толпе, ближайших сторонников Тиберия. Не встретив сопротивления в толпе, они, а за ними их клиенты и рабы, вооруженные палками, дубинами и ножками скамеек, бросились на окружавших самого трибуна. Многие из них бе-

жали, другие были убиты. Сам Тиберий, видя невозможность сопротивления, обратился в бегство. Но ему не удалось спастись: кто-то схватил его за тогу, он споткнулся и упал на трупы своих сторонников.

Вместе с Тиберием погибли еще 300 человек. «Это, – пишет древний биограф Тиберия, – было первое восстание в Риме со времени упразднения царской власти, подавленное убийствами и кровью граждан».

* * *

Хотя после мученической смерти брата Гай вследствие своей молодости (он родился в 154 году до н. э.) еще долго не мог и думать о занятии должности, сенат рано узнал в нем своего опаснейшего врага. Воспитанный так же тщательно, как и брат, познакомившийся с идеалистической философией стоиков, он отличался от Тиберия большей энергией и большими способностями. Когда он впервые после смерти брата выступил на форуме с защитой своего друга Веттия перед судом, народ пришел в «дикий», как выражается его биограф, восторг от его страстного красноречия, и «оказалось, что другие ораторы в сравнении с ним лишь дети». Уже тогда сенат мог убедиться, какая ему угрожает опасность, если Гай добьется трибуната. На время, правда, удалось эту опасность устранить: избранный в квесторы в 126 году Гай был вынужден отправиться в Сардинию вместе с консулом Луцием Аврелием Орестом, и сенату ничего не стоило заставить его остаться в провинции и сверх годового срока: продлив власть консула на год, он заставил и Гая остаться вдали от Рима – квестор не мог удалиться из провинции раньше консула. Но когда сенат и на третий год хотел повторить тот же маневр, Гай решительно отказался остаться в Сардинии и возвратился в Рим, отлично зная, что здесь его ждет обвинение за своеволие. Но зато он мог сослаться

на свои успехи в помнившей еще его отца провинции, где ему удалось приобрести симпатии подданных справедливостью и мягкостью своего поведения. Он указывал и на то, что вместо обязательных десяти лет военной службы он прослужил двенадцать и что закон сам по себе требует лишь годового пребывания квестора в провинции, где он пробыл два года. Аргументы эти оказали свое действие на цензоров, перед судом которых он должен был защищаться, и Гай был оправдан. Масса итальянских крестьян переполнила Рим во время выборов по одному слуху, что брат Тиберия, последний представитель его дома и его традиций, выставил свою кандидатуру и желает продолжать дело брата Марсово поле не могло поместить всех собравшихся и многие подавали голоса с крыш соседних домов. Гай был избран четвертым трибуном.

Добившись своего избрания, он прежде всего постарался доказать, что его цель – продолжать дело Тиберия, имя которого для римлянина из низших слоев общества было святыней.

Он выступил мстителем за брата и предложил два закона. Первым из них постановлялось, что низложенное народом должностное лицо впредь не имеет право занимать какую бы то ни было должность; вторым – что должностное лицо, без поручения народа посланное гражданином в изгнание (а тем паче казненное его), должно быть предано народному суду. Целью первого закона было наказание Марка Октавия; второй был направлен против консула 132 года Публия Попилия Лената, который по поручению сената руководил занятиями комиссии, назначенной по делу о мнимом заговоре Тиберия, и приговорил ряд лиц к смерти, к изгнанию и т. д. Если первый из этих законов имел свое основание скорее в личных, чем в государственных соображениях, и поэтому не мог возбудить особенной

симпатии и среди друзей реформы (сама Корнелия, мать Гракхов, говорят, советовала Гаю взять его назад), то второй закон затрагивал очень существенные общие интересы. Им, в сущности, был поднят вопрос – и разумеется разрешен отрицательно, – может ли сенат освободить консулов от соблюдения законов, разрешавших апелляцию от всех судов.

В результате борьбы за эти законы оказалось, что Гай благоразумно взял назад закон против М. Октавия, а сенат был принужден примириться с принятием второго закона народом. После этого Гай приступил к целому ряду мер, целью которых, с одной стороны, было уничтожить влияние сената, с другой – установить более прочную связь между ним и народом – связь, которая дала бы ему в конце концов возможность провести два главных закона его реформы: закон о возобновлении разделов и основании колоний и, особенно, закон о распространении прав римского гражданина на союзников. Меры Гракха верно угадывали все слабые пункты сенатской позиции и нанесли владычеству олигархов непоправимый удар.

Важно было хоть сколько-нибудь обеспечить материальное положение народа, чтобы сделать его более самостоятельным, более независимым от нежелательных и вредных влияний. Такова цель пресловутого «хлебного» закона Гая.

Народ, говорил Гракх, имеет неоспоримое право пользоваться выгодами своего положения победителя: право требовать, чтобы ему, по крайней мере, не приходилось голодать или просить милостыни. Поэтому все живущие в Риме граждане ежемесячно должны получать на государственный счет известное количество хлеба по очень низкой цене. Ни один закон Гракха так не укоряли, как этот, и не только враги реформы, но и ее друзья. Впервые, им налагалось огромное, почти непосильное бремя на расстроенные и без того

римские финансы. Затем он заключал в себе ни на чем не основанную привилегию городского населения в ущерб сельскому. Наконец, почти даровая раздача хлеба не могла не повлиять в весьма нежелательном направлении на трудолюбие народа. Все это вместе взятое действительно представляло очень веский аргумент против предложенного закона, и аристократия не замедлила всеми силами обрушиться на его автора.

Но он позаботился не только об удешевлении жизни в Риме, одновременно он постарался дать заработок возможно большей массе людей. Постройка огромных «семпрониевских» амбаров, в которых хранился хлеб, предназначенный для раздачи народу, дала многим работу; но еще больший заработок давали многочисленные построенные им дороги, работы по которым производились под его непосредственным надзором. Дать работу неимущим было не единственной целью Гракха при постройке этих дорог. До сих пор большинство римских дорог имело преимущественно стратегическое значение; целью же Гракха было прежде всего улучшить пути сообщения, чтобы дать италийскому земледелию возможность конкурировать с заморским хлебом. Еще важнее, пожалуй, были два других закона: закон о возобновлении разделов – с восстановлением права триумвиров решать вопросы о принадлежности спорных земель государству или частному лицу, и закон об основании колоний.

До сих пор колонии основывались в только что завоеванных и поэтому сомнительной верности странах или на морском берегу для защиты торговли, и прежде всего должны были служить крепостями. Гай впервые решительно отступил от этой традиции и предложил основать новые колонии в совершенно спокойных, очень благоприятных и удобных для земледелия Апулии и Кампании, на месте древних Тарента и Капуи, а товарищ его по трибунату

Рубрий даже предложил восстановить Карфаген (под именем Юнонии) на том самом месте, по которому не так давно прошел плуг римского жреца и сеялась соль в знак налагаемого на него проклятья. Старые традиции лишились своего ореола. В число шести тысяч колонистов, которых предполагалось послать в Африку и которые должны были обладать правом римского гражданства, открывался доступ и союзникам.

Наряду с законами, имевшими целью облегчить экономическую участь народа и вернуть ему утраченную самостоятельность, не менее важны были и законы, уничтожившие всемогущество сената. Из них, несомненно, главный закон – о судах. За исключением некоторых дел – преимущественно политического характера, – предоставленных народному суду, почти все гражданское и уголовное судопроизводство было в руках сенаторов, не стыдившихся пользоваться этой привилегией для оправдания своих преступных собратьев и осуждения неповинных лиц из других сословий. Ввиду этого не могло быть сомнения в настоятельной необходимости реформы судопроизводства, но до сих пор еще никто не решался приступить к ней против воли сената. Уже поэтому попытка Гая заслуживала всяческого внимания, хотя нельзя не сказать, что Гракх заменил судебную монополию родовой знати такой же монополией денежной знати, дав последней, таким образом, центр и организацию. Наряду с родовой и служебной знатью сенаторов в Риме образовался еще один, очень влиятельный благодаря своему богатству класс – откупщиков и подрядчиков.

До Гракха этот класс не обладал никакими особыми правами и привилегиями и лишь фактически выделялся из народной массы. Назывался он обыкновенно классом всадников, так как римская кавалерия набиралась преимущественно из его богатых членов, и резко отделялся от сенаторов, особенно благо-

даря закону Клавдия 218 года, запрещавшему сенаторам и их сыновьям крупную торговлю и заставившему их обратить свои капиталы на земледелие.

Освобожденные таким образом от опасной конкуренции сената всадники упрочили торговую монополию и уже давно играли немаловажную роль, особенно во внешней политике Рима. Но до этого времени они шли рука об руку с сенатом: бывали, разумеется, случаи, что цензоры или наместники пытались укротить расхорившихся откупщиков, но это были исключения, а в общем они жили в мире и согласии и вместе высасывали кровь несчастных провинциалов. Воспользовавшись необходимостью судебной реформы, Гракх задумал рассорить их и, поставив рядом с сенатом организованное сословие всадников, парализовать силы и тех и других. И действительно, своей политической цели он достиг вполне, но, к сожалению, за счет реформаторской. На основании нового закона сенаторы совершенно устранялись из судов и заменялись всадниками, ежегодно назначаемыми на основании списка 300 лиц известного имущественного ценза (400 тысяч сестерциев). Теперь, казалось, провинциальные наместники уже не будут в состоянии надеяться на оправдание в судах, не составленных более из сенаторов, а подданные найдут защиту у конкурентов-наместников.

Но все надежды Гая оказались тщетными. Суд всадников вскоре стал еще более отличаться продажностью, кумовством и явной несправедливостью, чем прежде суд сенаторов. Если наместник был в хороших отношениях с откупщиками и купцами-ростовщиками – т. е. если он позволял им грабить подданных, – он спокойно мог рассчитывать на оправдание в каких бы то ни было преступлениях; с другой стороны, были случаи, что наместники, заботившиеся о благе своей провинции и не дававшие воли всадни-

кам, осуждались за вымогательство, как, например, некий Публий Рутилий, который, будучи приговорен к изгнанию, поселился именно в тех местах, которые он будто бы разграбил, и был принят благодарными провинциалами с величайшим почетом.

Итак, народ теперь занял действительно первое место в государстве. Рассказывают, между прочим, что, произнося речи в народных собраниях, Гай впервые перестал обращаться к сенату и начал обращаться к народу, желая этим доказать, что истинный суверен государства – народ. Но этому суверену был необходим руководитель – и эту роль взял на себя Гай Семпроний Гракх. Во всех предприятиях он всегда оставлял за собой контроль и руководство, нисколько не утомляясь от одновременного ведения столь разнообразных дел, занимаясь каждым, точно оно единственное, и с такой поразительной быстротой, что даже те, кто его ненавидел и боялся больше всех, удивлялись его подвижности и энергии. Надеясь после всех подготовительных мер на привязанность и благодарность народа и всадников, Гай наконец приступил к главной своей цели – закону о распространении прав гражданства на союзников. Однако оказалось, что Гай ошибся в своих расчетах: в данном случае против него была не только аристократия, но и народ, смотревший на свое право гражданства как на акцию, дающую весьма значительный дивиденд, и вовсе не желавший поэтому увеличить число пользующихся дивидендом акционеров,

Принятие закона могло бы избавить Италию от моря крови, пролитой лет тридцать спустя в течение Союзнической войны, результатом которой все-таки было то, что советовал народу Гай. Но сенат между тем не дремал. Пока Гай в течение 60 дней на месте приводил в порядок дела новой колонии Юонии, его противник М. Ливий Друз, один из самых богатых римлян того времени, по по-

ручению сената начал против него столь же искусный, сколько бесчестный поход. Ливий взялся огромными, явно нелепыми обещаниями и грубой лестью отвлечь народ от Гракха. Во время отсутствия Гая он предложил грандиозный план: основать – и притом в самой Италии, а не вне ее – двенадцать колоний и в каждую из них послать 3 тысячи бедных граждан. Народ попался на удочку и принял закон, хотя ни один знакомый с положением Италии человек не мог сомневаться, что свободной земли для основания 12 огромных колоний в ней нет.

Но Ливий пошел дальше и предложил отменить те важные и полезные ограничения права собственности на наделы, которыми Тиберий, а после него Гай старались обеспечить новых поселенцев, и увлеченный либеральными фразами народ не замедлил принять и этот закон. Наконец, Ливий выступил в роли защитника и покровителя союзников. Тогда как Гай, несмотря на все свои обещания и старания, не мог добиться ни одной меры в их пользу, Ливию, поддерживаемому сенатом, ничего не стоило провести закон, которым римские власти лишались права применять телесное наказание к союзникам не только в мирное, но и в военное время. Сенат благодаря стараниям своего клеветника Ливия рисовался народу в розовом освещении, в виде заботливого покровителя народа и грозного защитника его свободы от революционно-монархической агитации честолюбивого трибуна.

Ненависть к царской власти всегда была поразительно сильна в Риме, и трудно было выдумать более опасное обвинение, чем обвинение в стремлении к ней. Ливий очень ловко воспользовался народной враждой к монархическому началу: между тем как Гай назначал себя членом всех комиссий, учреждавшихся для исполнения его законов, и старался сконцентрировать все государственные дела в своих руках, Ливий, напротив, всегда настаивал

на том, чтобы исполнение его законов поручалось не ему, а другим.

Несвоевременное отсутствие Гая значительно облегчило Ливию исполнение его плана: целых два месяца он провел на развалинах Карфагена, занимаясь основанием и устройством Юнонии, и лишь тревожные известия о неспособности Флакка бороться с сенатской интригой заставили его поспешить в Рим. Но было уже поздно: он убедился, что его популярность значительно ослабла. Масса народа отшатнулась от него, и на выборах 121 года Л. Опимий был избран консулом, а сам Гракх провалился. Сенат немедленно обратился против его законов.

Прежде всего нападению подвергся закон об основании колонии Юнония. Трибун Минуций от имени сената предложил упразднить его.

Хотя основание колонии в Африке само по себе и не составляло одного из существенных пунктов его законодательства, Гракх и его друзья, а среди них особенно Фульвий Флакк, решили всеми силами отстаивать колонию.

В день голосования о предложении Минуция Капитолий был занят сторонниками обеих партий. Консул совершал жертвоприношение, а Фульвий между тем обратился с страстной речью к народу, тогда как Гай и некоторые из его ближайших друзей молча стояли в стороне и поджидали голосования. Тут к ним подошел один из ликторов консула, Антиллий, и, крикнув: «Прочь, дурные граждане! Дайте место хорошим!» – угрожая, поднял руку, и был убит. Консул тотчас же доложил сенату о случившемся и был облечен чрезвычайными полномочиями «защитить республику». Пользуясь ими, он велел сенаторам и всадникам – по примеру народа изменившим Гракху – явиться на другой день, каждый в сопровождении двух вооруженных рабов, на Капитолий; сюда же были отправлены и критские

стрелки.

Фульвий поспешил вооружить своих сторонников и занять Авентин, древний центр плебеев, откуда они уже угрожали однажды патрициям, собравшимся на Капитолии. Гай, пришедший на Авентин без оружия, заявил, что сам отправится в сенат и переговорит с консулом, но всеобщий протест его сторонников принудил его отказаться от своего намерения. Вместо него сын Фульвия отправился на Капитолий, но консул не пожелал его выслушать и, велел его схватить, встал во главе собравшейся вокруг него вооруженной толпы и двинулся на Авентин. Сопrotивление не было продолжительным. Толпа, которой консул обещал амнистию, разбежалась, а рабы, которых Фульвий и Гракх призвали к оружию, обещая им свободу, не последовали этому приглашению. Фульвий вместе со старшим сыном спрятались, но были найдены и убиты.

Гракх, видя дело своей жизни погубленным и оскверненным кровопролитием, хотел покончить с собой в храме Дианы Авентинской, но верные друзья его, Помпоний и Латорий, не дали ему исполнить это намерение. Гракх обратился в бегство, а друзья его старались задержать врагов, один – отстаивая проход через porta Trigemina, другой – заняв, как некогда Гораций Коклес, пост на единственном мосту через Тибр. Но их сопротивление не могло быть продолжительным, и скоро враги стали наступать вывихнувшего ногу Гая. Тщетно просил он у смотревшего на его бегство народа доставить ему коня: все боялись навлечь на себя гнев победителя. Так он добежал до посвященной Фуриям рощи. Здесь враги и нашли тело Гая и его верного раба Филократа, который убил сначала своего господина, а потом и себя.

Тела Гая, Фульвия и 3 тысяч убитых были брошены в Тибр, как некогда тела Тиберия и его сторонников; имущество их было конфисковано, а дома вождей отданы на разграбле-

ние толпе. На деньги, вырученные от продажи конфискованных имуществ убитых, консул Опимий построил храм богине Согласия.

Народ, разумеется, и с Гаем поступил точно так же, как десять лет назад с его братом: дав его убить, стал носиться с его образом. Братьям были поставлены памятники; места, где их убили, были освящены, и ежедневно туда стекались приносить жертвы и взывать

к погибшим. Корнелия пережила своих сыновей и еще увидела эту перемену в настроении народа. Она еще долго жила на своей вилле недалеко от Неаполя, и все иностранцы считали долгом побывать у дочери великого Сципиона и матери Гракхов, о которых она с эпическим спокойствием рассказывала слушателям. Впоследствии и ей был поставлен памятник с надписью: «Корнелии, матери Гракхов».